

Валентин Лукьянин

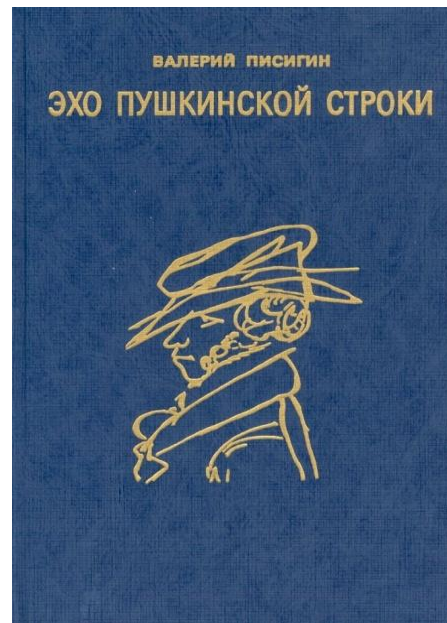
О книге Валерия Писигина «Эхо пушкинской строки»*

Книга была передана мне с оказией из Москвы не от автора, а от общего с ним знакомого — одного из крупнейших наших филологов, что само по себе уже можно рассматривать как рекомендацию. Признаюсь, несмотря на глубочайшее уважение к рекомендателю, плотный томик на двести страниц (офсетная бумага, твердый переплёт из лучших импортных материалов, вклеенный альбом цветных фотографий) вызвал у меня поначалу, скажем мягко, недоверие.

Околофилологическая пушкиниана в последние годы, а особенно в связи с приближающимся юбилеем поэта, начала приобретать черты уже, пожалуй, и патологические: подобно кругам на воде, расходящимся от брошенного камня, интерес исследователей распространяется с Пушкина на его ближнее окружение, с ближнего окружения — на дальнее, с родственников на родственников родственников, с знакомых на знакомых знакомых, с факта рождения на юбилеи и юбилеи юбилеев, а само пушкинское творчество все более ощущается при этом как дело по меньшей мере третьестепенной важности.

Вот и еще один повод приобщиться к теме...

Предубеждение мое отнюдь не было рассеяно и сведениями о неизвестном мне дотоле авторе, которые сообщил даритель книги: дескать, Валерий Писигин — член Президентского совета, помощник Г.А.Явлинского.



А потом случилось неожиданное: выкроив-таки однажды время, раскрыл я вечером томик Писигина — и как-то незаметно, страница за страницей, без всякого усилия над собой добрался за полночь до последней точки. теперь и сам готов порекомендовать вам это издание (если, конечно, какой-то экземпляр из его пятидесяти тысяч тиража окажется в зоне вашей досягаемости).

Как же совершилась такая трансформация хоть и предвзятого, но, согласитесь, не произвольного мнения?

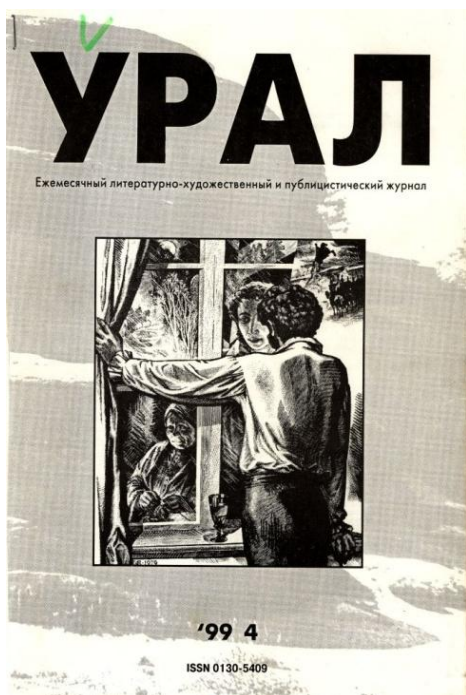
Прежде всего, автор с первых строк обезоружил меня доверительностью тона, отсутствием необоснованных притязаний и совершенной открытостью позиции. «Но я не разбираюсь в Пушкине», — отвечает он на предложение редактора одного из московских еженедельников написать (еще не книгу, а только газетный очерк) про пушкинский праздник в Торжке. И это не кокетство. А кто, скажите, разбирается? Не так уж редко встретите вы людей, прочитавших, да и, конечно, не по одному разу, все наследие поэта, знающих даже «Евгения Онегина» наизусть, освоивших пушкиноведческие работы не только Ю.Тынянова и В.Вересаева, но и С.Бонди, Б.Томашевского, М.Алексеева, Б.Бурсова... Но все десять томов академического издания поэта вкупе даже с джентльменским набором классиков пушкиноведения (тоже томов десять-пятнадцать наберётся) — эта такая малость по сравнению с неподъёмной и многоязыкой библиотекой исследований о Пушкине, накопившихся за полтора века, что настоящий пушкинист, более или менее уверенно ориентирующийся в этом безбрежном потоке публикаций и мнений, сегодня выглядит фигурой еще более элитной, нежели, к примеру, физик-атомщик с его синхрофазотронами и безумными формулами. Валерий Писигин проявляет достаточно такта и эрудиции, чтобы не претендовать на место среди этих небожителей.

Однако же и профаном он отнюдь не выглядит. Достаточно хоть бы взглянуть на парочку цитат, извлечённых им из не расхожих источников и вынесенных в эпиграф книги, чтоб ощутить присутствие «незатёртого» взгляда на поэта. К примеру, вот эта реплика Жуковского, приведенная в журнале «Голос минувшего» за 1917 год: *«Ты, брат Пушкин, черт тебя знает, какой ты, — ведь вот я чувствую, что вздор говоришь, а переспорить тебя не*

умею...» Это уже признание какой-то «высшей алгебры» творчества, выходящей за рамки школьной премудрости; между тем у автора очень живой по манере изложения и даже местами весёлой книги этот мотив постоянно присутствует где-то в подтексте, не становясь, впрочем, ни разу предметом открытого обсуждения.

Кстати, в самой книге и Пушкин, и писавшие о нем мемуаристы, и пушкинисты цитируются довольно обильно и почти всегда — не вслед за традицией, а по собственному выбору и разумению. И опять-таки в этой неожиданной эрудиции нет лукавства: автор не скрывает, что, занявшись книгой, вынужден был (профессиональная добросовестность, да и сам предмет не допускает иного подхода) всерьез погрузиться в пушкиноведческие источники, причем не наугад, а под руководством истинных корифеев пушкинистики.

Но при этом он не тщится одним энергичным наскоком одолеть высоту, на достижение которой другие тратят десятилетия усердного труда, — и в том вторая причина моей приязни к автору



«очерка». Он просто ставит перед собой иные задачи — за пределами традиционной пушкинистики. Я бы так определил главную тему книги (заранее принеся извинение за неизбежное огрубление): присутствие Пушкина в современной нашей жизни. Не в названиях улиц, площадей, парков, не в памятниках, музеях и прочих зарубках на общественной памяти, а в мышлении, поведении, в самом образе жизни. Только, поставив перед собой такую задачу, он занялся не теоретическими выкладками, а поехал на пушкинский праздник в Торжок.

И тут самое время сказать о третьей причине моей приязни к автору книги: на диво остроумный и точный нашел он сюжетный ход. Отправился на празднование очередной пушкинской годовщины — стало быть, туда, где

отношение к поэту, к его памяти проявится непременно. Но ведь не в Петербург поехал, не в Михайловское, а в скромный Торжок, до недавнего времени к пушкинским местам и вовсе не причислявшийся. И не на юбилей, а на 198-ю, совсем не круглую, годовщину. И услышал уже на месте об угасании не так давно и зародившейся традиции: раньше туда весь литературный бомонд съезжался — Татьяничева, Боков, Викулов, Доризо!.. (По-моему, не без лукавства воспроизводит автор предьявленный ему длинный ряд имен.) А теперь... *«А теперь к вам едут такие, вроде меня, из себя неизвестно что представляющие, — привёл я неопровержимые доказательства деградации пушкинских празднеств».*

Словом, оказённая память вовсе не свидетельствует о реальном присутствии Пушкина в нашей неустроенной сегодняшней жизни.

Но не там, оказывается, его искать надо было. Да автор его там и не искал — о самом ритуале праздника, о звучавших с трибуны речах, о присутствии свадебных генералов он так ничего и не говорит, вроде не затем и ехал.

Зато много и с видимым удовольствием рассказывает о местных учителях, музейщиках, художниках, поэтах, мастерах золотного шитья (которым с незапамятных времен славился Торжок) и иных новоторах и новоторках (так, оказывается, называют жителей этого древнего города — изначально Нового Торга, а уж затем, после всяческих разорений, названного уменьшительно — Торжком). И получается так, что Пушкин — он плоть от плоти этой старой русской земли. (Подобным же образом можно было бы сказать и о других пушкинских местах в России, а впрочем, и обо всей России.) Проезжая много раз через эти места, поэт впитывал в себя самый дух этой земли, ее житейский опыт, ее жизненные соки; потом она себя узнала в нём, в его стихах и прозе, — себя осознала, можно сказать. И с тем сознанием продолжает жить по сей день — несёт в себе пушкинское начало. Валерий Писигин не формулирует такого вывода, это уже моя собственная попытка выразить, хотя бы и упрощённо, в словесной формуле «послевкусие» книги.

А книга — лёгкая, живая, очень непринуждённая по манере повествования (так ведь и пристало писать о Пушкине) — не навязывает формул и выводов. Автор просто рассказывает о том, что ему самому интересно. Интересно было и мне, читателю, с ним — как со всяким умным, интеллигентным и эрудированным собеседником.

Урал. Ежемесячный литературно-художественный и публицистический журнал // —1999. —№4. —С.191-192.

* Валентин Лукьянин, кандидат философских наук, член Союза писателей РФ, в 1980–1999 гг. главный редактор журнала "Урал". Заслуженный работник культуры РФ, сопредседатель Союза писателей России.